

Куналиева Г.А.

К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ ОТГРАНИЧЕНИЯ УГРОЗЫ УБИЙСТВОМ ОТ УБИЙСТВА

Ғылыми мақалада қорқытумен адам өлтірудің жай адам өлтіруден айырмашылығы қарастырылған. Қылмыстық заңдылықты жетілдіру мақсатында Жоғарғы Соттың нормативті қаулыларында адам өлтіруге себепші болған қорқытуды саралау сұрақтарын қарастыру негізделді.

In scientific clause, the questions connected with distinction of threat by murder from murder are considered. With the purposes of perfection of the criminal legislation, the offer on consideration of judicial practice connected with qualification prelinket to murder of threat in the normative decrees of the Supreme court is proved.

Анализ судебно-следственной практики свидетельствует о том, что более трети совершаемых убийств, предшествуют случаи угрозы убийством.

Угроза – это устрашение человека путем психического на него воздействия. Способы выражения угрозы могут быть различными: в устной или письменной форме, адресованной непосредственно потерпевшему или через третьих лиц, или через его близких; с использованием телефона, телеграфа, факса и т.д.

Угроза может быть обращена в будущее или носить непосредственный характер. Обязательным признаком данного состава является реальность угрозы, т.е. наличие достаточных оснований опасаться осуществления этой угрозы. Это означает, что потерпевший воспринимает угрозу не как пустое или шутовское заявление, а как реальное намерение реализовать эту угрозу. О реальности угрозы может свидетельствовать ряд факторов, конкретная ситуация, обстановка, место, время, характеристика виновного, его тип поведения, прежняя судимость и другие. Так, угрозу можно признать реальной, когда она сопровождается подысканием соответствующих орудий для ее исполнения, высказывания в процессе серьезного конфликта, а не случайного спора или скандала [1.С.280].

Как с научной, так и с практической точки зрения, несомненный интерес представляет рассмотрение вопросов квалификации угрозы в случае ее исполнения.

В юридической литературе исследованию данного вопроса должного внимания не уделялось. Однако, ради справедливости следует отметить, что вскользь рассматриваемой проблемы коснулись отдельные авторы, высказывая при этом две взаимоисключающие точки зрения. Так, согласно одной из них

«содеянное надлежит квалифицировать по совокупности двух преступлений: как угрозу и приготовление к убийству», «если виновный, помимо угрозы, осуществит еще и приготовительные действия к совершению преступления, которым он угрожает» [2.С.24]. П.С. Матышевский, не разделяя высказанную позицию полагает, что «хотя в данном случае сам факт обнаружения умысла признается оконченным составом преступления, однако это не исключает дальнейшего развития преступной деятельности после обнаружения умысла до момента его осуществления. Ответственность в таких случаях должна наступать не за обнаруженный умысел, а за ту последующую стадию преступной деятельности, в которую воплотился умысел» [3.С.100-101]. Аналогичной точки зрения, придерживается С.В. Бородин, считающий, что в случаях, когда угроза сопровождается конкретными действиями, состоящими в приискании или приспособлении средств или орудий убийства, статья об ответственности за угрозу не подлежит применению, «поскольку угроза убийством оказалась реализованной в более опасном преступлении – приготовлении к убийству» [4.С.154].

На наш взгляд, авторы не учитывают такое важное обстоятельство, как временной промежуток между выражением угрозы убийством, с одной стороны, и убийством (приготовлением, покушением), с другой. С учетом этого обстоятельства, полагаем, обе точки зрения имеют право на существование.

Например, если после выражения угрозы убийством виновный немедленно приступает к приисканию какого-либо орудия убийства (ружья, ножа и т.п.), или пытается сразу же убить потерпевшего либо убивает его, то нет сомнений в том, что все содеянное должно быть квалифицировано как одно преступление – приготовление к убийству, покушение на убийство или убийство. Так, в результате нарушения правил дорожного движения, Л., – водитель автомашины ВАЗ-2109 не справившись с управлением, совершил дорожно-транспортное происшествие, последствием которого стала гибель О., – пассажира данной автомашины. Вскоре к месту ДТП прибыл брат погибшего К., который стал обвинять Л., в гибели О., при этом, угрожая убийством, и пытался вступить в драку с водителем Л. Слышавшие эту угрозу свидетели, в

том числе и сестра погибшего О., советовали К., уйти с места ДТП, опасаясь, что он исполнит свою угрозу. Между тем, К., после вышеуказанных действий сразу же с целью реализации своего умысла вернулся домой, достал из сарая топор и вновь направился к месту ДТП, где нанес Л., топором удар в область головы, от чего Л., не приходя в сознание, скончался на месте. К. был осужден за убийство [5]. Вопрос о вменении К., ст.112 УК РК ни в ходе предварительного следствия, ни в ходе судебного заседания не ставился, что нам представляется весьма обоснованным, поскольку после высказывания угрозы виновный сразу же приступил к осуществлению действий, направленных на ее реализацию.

В случае, если между выражением угрозы убийством и действиями, направленными на ее реализацию, прошел определенный промежуток времени, то действия виновного следует квалифицировать по совокупности преступлений, как угрозу убийством и убийство (приготовление или покушение).

Следующий вопрос, который также вызывает интерес: какими признаками должен характеризоваться временной промежуток между угрозой убийством и убийством, чтобы угроза могла быть квалифицирована как самостоятельное преступление по ст.112 УК РК?

Думается, что при решении этого вопроса необходимо учитывать не только длительность временного промежутка, хотя в данном случае именно этот фактор играет определяющую роль, но и такие обстоятельства, как характер действий виновного в течение этого времени и наличие у потерпевшего возможности обратиться за помощью в правоохранительные органы или принять другие меры по защите от осуществления угрозы. Полагаем, что если виновный после высказывания во вне угрозы убийством предпринимает какие-либо действия, направленные на исполнение этой угрозы, причем эти действия не обязательно должны состоять в приготовлении к убийству или покушении на убийство (например, виновный совершает действия, направленные на преодоление расстояния, отделяющего его от адресата), то это обстоятельство будет способствовать увеличению длительности определяемого временного промежутка. Однако такое обстоятельство, как наличие у потерпевшего возможности обратиться за помощью в правоохранительные органы или принять иные меры по защите от осуществления выраженной угрозы, будет, наоборот, способствовать уменьшению длительности этого временного промежутка. Причем эти колебания длительности

в зависимости от указанных обстоятельств могут быть довольно значительными.

В обоснование своих выводов, приведем примеры судебно-следственной практики. Так, Д., высказал своему другу Т., угрозу убийством в адрес своей 7-месячной дочери, мотивируя эту угрозу тем, что жена ушла от него, и ребенок не должен достаться ей. Т., эту угрозу всерьез не воспринял. Между тем, Д., поехал в город-спутник, где находилась его жена с ребенком, и поскольку жена под угрозой убийства ребенка отказалась вернуться к нему, Д., убил ребенка ударом ножа [6]. В ходе предварительного следствия было установлено, что с момента первого выражения угрозы убийством (эту угрозу слышал Т.) до момента совершения убийства прошло около одного часа. На наш взгляд, судебно-следственные органы поступили верно, не ставя вопрос о вменении Д., состава преступления, предусмотренного ст.112 УК РК. Прежде всего, сам временной промежуток между угрозой убийством и убийством в данной ситуации незначителен. Во-вторых, в течение этого часа виновный предпринял конкретные действия, необходимые для осуществления выраженной угрозы – преодолел пространство, отделявшее его от адресата, то есть совершил действия, влекущие увеличение временного промежутка, необходимого для самостоятельной квалификации предшествовавшей убийству угрозы. Незначительный промежуток времени и совершенные виновным в течение этого промежутка действия, бесспорно указывают на то, что уже во время высказывания угрозы Д., имел умысел на лишение жизни дочери, и кроме того, этот умысел не прерывался вплоть до совершения убийства. В-третьих, в данной ситуации отсутствует такое сокращающее определяемый временной промежуток обстоятельство, как наличие у потерпевшего возможности принять меры по защите от осуществления угрозы (мать ребенка ничего не знала о высказанных угрозах).

Иной характер носит следующий пример: С., пришел домой к своей сожительнице Н., и в ходе возникшей между ними ссоры высказал в ее адрес угрозу убийством, говоря, что она будет жертвой, и что он сделает ее покойницей. Но мать Н., вытолкала С., на лестницу, где последний выпил водки и уснул. Через четыре часа С., вновь зашел к Н., и выбросил ее с балкона, в результате чего она скончалась. С., был осужден за совершение убийства [7]. Полагаем, трудно согласиться с тем, что ни в ходе предварительного следствия, ни в судебном заседании вопрос о вменении С., угрозы убийством не ставился. Во-первых, период времени между угрозой и убийством значителен. Во-вторых, в

течение четырех часов виновный не предпринимал никаких действий, направленных на осуществление угрозы. Эти факты позволяют прийти к заключению, что в момент высказывания угрозы умысел виновного, возможно, был направлен на запугивание потерпевшей, а не на лишение ее жизни, и что, бесспорно, преступная деятельность виновного не носила характер непрерывного процесса. В-третьих, в данном случае имело место такое способствующее сокращению определяемого временного промежутка обстоятельство, как наличие у потерпевшего возможности принять меры по защите от осуществления угрозы (Н., могла обратиться в полицию, запереть дверь в квартиру и не пускать туда больше С. и т.п.).

Вышеизложенное свидетельствует о значимости определения временного промежутка между угрозой и убийством, необходимого для самостоятельной квалификации угрозы, когда следует учитывать не только длительность этого промежутка, но и такие обстоятельства, как характер действий виновного в течение этого промежутка и наличие у потерпевшего возможности принять меры по защите от осуществления угрозы. Именно по действиям виновного в течение определяемого временного промежутка (совершает ли он действия, состоящие в приготовлении к убийству или в покушении на убийство, в преодолении отделяющего его от потерпевшего пространственного промежутка, в поддержании постоянного личного контакта с потерпевшим и т.д.) можно будет судить о том, имелся ли у лица на момент выражения угрозы умысел на совершение убийства или его умысел был направлен лишь на запугивание потерпевшего, и носила ли преступная деятельность виновного характер непрерывного процесса.

Следует подчеркнуть и то, что законодатель предусмотрел уголовную ответственность за угрозу убийством с целью пресечения умысла на совершение убийства на ранней стадии его обнаружения. О пресечении этого умысла, в свою очередь, можно говорить лишь при наличии у потерпевшего или иных лиц возможности обратиться за помощью в правоохранительные органы либо принять другие меры по защите от осуществления угрозы – обратиться к родственникам, знакомым и т.д. В случае, если у потерпевшего такой возможности не было и обнаруженный умысел воплотился в конкретные действия по его осуществлению, то профилактическая цель по ст.112 УК РК достигнута не будет, то есть уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за угрозу как бы была «выключена» из числа препятствий перед обнаруженным умыслом. Это обстоятельство будет свидетельствовать в пользу

поглощения убийством предшествовавшей угрозы. Когда имеется возможность принятия мер по защите от осуществления выраженной угрозы, то профилактическая цель по ст.112 УК РК может быть достигнута, в связи с чем, данное обстоятельство будет говорить в пользу самостоятельной квалификации предшествовавшей убийству угрозы.

На основании вышеизложенного, полагаем, что вопрос о квалификации предшествовавшей убийству угрозы в качестве самостоятельного преступления в каждом конкретном случае должен решаться в зависимости от обстоятельств дела, и в первую очередь таких, как длительность временного промежутка от угрозы до совершения убийства, характер действий виновного в течение этого промежутка и наличие возможности принять меры по защите от осуществления угрозы.

Анализ судебно-следственной практики свидетельствует, что в большинстве случаев при квалификации содеянного правоприменители следуют правилу поглощения убийством предшествовавшей с некоторым временным промежутком угрозы.

Кроме того, опрос практических работников подтвердил, что подавляющее большинство (76%) придерживается мнения о необходимости поглощения убийством предшествовавшей с некоторым временным промежутком угрозы.

Однако, единичные, по сути, случаи одновременного вменения виновному лицу угрозы убийством и убийства того же лица дают веские основания считать, что, несмотря на сложившуюся судебную практику, занимаемая нами позиция представляется перспективной.

На основании изложенного, представляется целесообразным внести предложение о необходимости рассмотрения судебной практики, связанной с квалификацией предшествовавшей убийству угрозы в нормативных постановлениях Верховного Суда, с целью выработки единого подхода к разрешению столь значимой проблемы, имеющей практическую направленность.

Литература

1. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Общая и Особенная части / Под общ. ред. И.Ш. Борчашвили. Изд.2-е. – Алматы: Жеті жарғы, 2007. – 992 с.
2. Уголовная ответственность за угрозу убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества // Советская юстиция. – 1961. -№5.
3. Матышевский П.С. Ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. – М.: Юрид.лит. – 1964.

4. Бородин С.В. Квалификация убийств по советскому уголовному праву. – М.: 1963. –С.154.
5. Архивное уголовное дело суда г. Серебрянска Восточно-Казахстанской области, 2005 г.
6. Архивное уголовное дело суда г. Серебрянска Восточно-Казахстанской области, 2005 г.
7. Архивное уголовное дело суда г. Серебрянска Восточно-Казахстанской области, 2006 г.

Рецензент: д.ю.н., профессор Жоробекова А.М.
